

Александр ЖУРБИН:

Я просто очень люблю работать

Думается, имя композитора Александра Журбина не нуждается в подробном представлении. Он - автор первой отечественной рок-оперы «Орфей и Эвридика», занесенной в Книгу рекордов Гиннеса за свою «долгоиграющую» сценическую судьбу; автор множества популярнейших песен, звучащих в исполнении самых ярких звезд эстрады; автор музыки к огромному количеству театральных постановок и кинофильмов; им написаны книги и постоянно публикуются его статьи в периодической печати; он - ведущий радиопрограмм и знакомое всем лицо на ТВ... В октябре в Москве пройдет фестиваль под названием «Пять юбилеев Александра Журбина». В преддверии этого фестиваля и состоялась наша беседа с композитором.

- Александр Борисович, грядущий юбилей вобрал в себя пять ипостасей вашей жизни и творчества: 60 лет со дня рождения, 50-летие первой авторской композиции, 40 лет уже активной творческой жизни, 30 лет со дня создания первой рок-оперы, 25 лет работы в кино. Давайте начнем с того как вы, еще ребенком, начали сочинять музыку.

- По теперешним понятиям я начал заниматься музыкой довольно поздно: мне было уже восемь лет. Сейчас детей начинают обучать с пяти и даже с четырех лет. Я, например, своего сына отдал учиться в четыре года. Но мои родители были не музыкальные люди - обыкновенные советские инженеры. Жили мы в ту пору в Ташкенте, пианино в доме не было. В музыкальной школе меня прослушали, сказали, что у мальчика действительно есть способности, и предложили определить по классу виолончели, благо там и место было свободное, да и виолончель стоила дешевле пианино. Я оказался очень прилежным учеником: старательно играл на виолончели, а когда через пару лет мне купили пианино, просто не отходил от инструмента и тут же начал что-то сочинять. Наверное, еще повлияли книги: я очень любил читать биографии великих композиторов - Моцарта, Чайковского, Рахманинова, начавших сочинять еще в детстве. Хотел за ними «угнаться». У меня сохранились эти детские, можно сказать «безграмотные» сочинения: какая-то «Колыбельная», «Сказка», «Легенда»...

- И они исполнялись в вашей музыкальной школе?

- Да, позже, когда я уже немного подрос, досочинил их. Играли мои сочинения, даже струнный оркестр исполнял одно мое произведение. Потом была ташкентская консерватория, переезд в Москву, Институт Гнесиных.

- У кого вы учились здесь, в Москве?

- Моим основным учителем по композиции был замечательный композитор и педагог Николай Иванович Пейко. Все наши прославленные композиторы - Эдисон Денисов, Губайдулина, даже немножко Шнитке - все считали себя его учениками. Помню, как на одном собрании Денисов сказал: «Николай Иванович, я ведь ваш ученик». На что Пейко ответил: «Но ты же, Эдисон, учился у меня всего несколько месяцев». На что Денисов парировал: «Позвольте, Николай Иванович, мне самому выбирать себе учителей». Пейко был учеником Мясковского, а Мясковский, как известно, ученик Римского-Корсакова, так что я могу

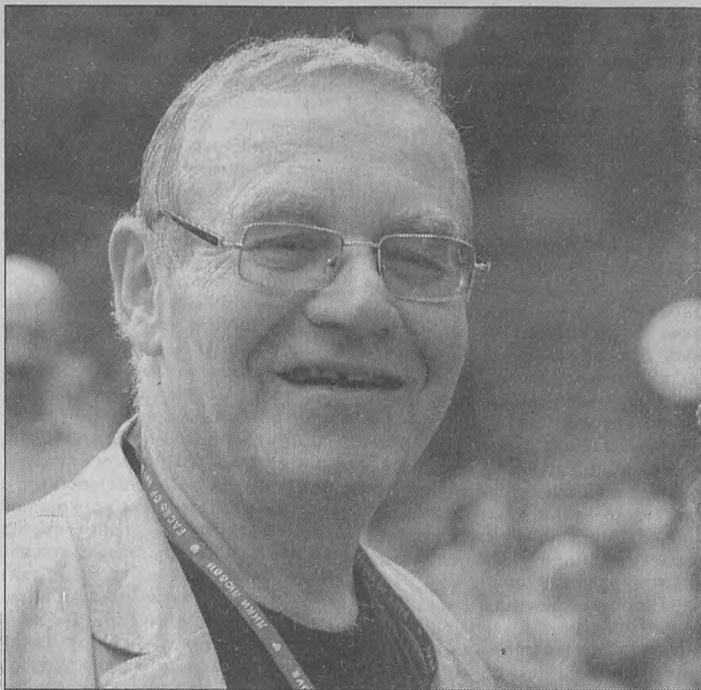
преемственно считать себя в какой-то степени потомственным учеником Римского-Корсакова. Кроме того, у нас преподавали Генрих Ильич Литинский, Арам Ильич Хачатурян. По оркестровке я ходил к Араму Ильичу, и у меня осталось очень яркое впечатление от его уроков. Я очень горжусь своими педагогами и считаю, что действительно владею всеми приемами композиторской техники: современными и классическими, романтическими и импрессионистическими. У меня очень хорошая композиторская школа.

- Тогда почему аспирантура в Ленинграде, а не продолжение в Москве?

- Тогда, если помните, по окончании учебного заведения молодых специалистов направляли на работу по распределению. Меня отправили в Краснодар, где был Институт культуры. Я там проработал год. В это время у меня завязалась переписка с Сергеем Михайловичем Слонимским, замечательным ленинградским композитором. Послал ему свои сочинения. Он их одобрил и сказал: «Приезжайте, Саша, ко мне в аспирантуру». Тогда, в период брежневского «застоя», Ленинград был городом особенным. Там жила целая группа очень интересных людей - интеллектуальная элита: Бродский, Барышников, Довлатов, композитор Тищенко, преподавал Шостакович. Мне хотелось к этому сообществу приблизиться. Поехал поступать в аспирантуру и поступил. На экзамене нужно было написать фугу. Я написал, да еще двойную, да еще для струнного квартета, прямо на экзамене. Они там ахнули: что за студент! Но это поимело и оборотную сторону. Приемная комиссия сочла, что на композиторском отделении мне уже делать нечего, и зачислила меня на музыковедческое. На три года я стал музыковедом, написал диссертацию о симфониях Малера. Есть такое выражение - «в пересчете на жизнь». Так вот: «в пересчете на жизнь» эти три года музыковедения оказались для меня очень даже полезными. А всего я провёл в Ленинграде семь лет.

- Это как раз годы создания первой рок-оперы «Орфей и Эвридика»?

- Могу сказать, что с того момента моя жизнь обрела совершенно новое течение. Практически «Орфей» не сходит с репертуара во всем мире вот уже тридцать лет. А в театре, где он был поставлен впервые, - сейчас театр называется Санкт-Петербургская рок-опера, а тогда - ВИА «Поющие гитары» - он и поныне не покидает сцену.

ИТАР-ТАСС

Сменилось прежнее поколение исполнителей, только три артиста остались из первого состава, но спектакль все живет. Это поразительно.

- Сегодня на московской театральной афише несколько спектаклей с вашей музыкой, а самой последней премьерой минувшего сезона стал мюзикл «Униженные и оскорбленные» в Театре под руководством Геннадия Чихачева. Я смотрела этот спектакль, он произвел на меня очень сильное впечатление. В нем живет призрачный Петербург Достоевского.

- Да, это мой последний мюзикл. Я их написал много, наверное, больше, чем кто бы то ни был. Мне нравится писать эту музыку. Но на сюжет Достоевского - случай особый. Достоевский - одна из самых высоких вершин нашей литературы, рядом с ним мало кого поставишь. И, конечно, надо было найти соответствующий музыкальный язык. Но, должен сказать честно, совершенно не мучился, как иногда бывает, когда что-то не идет. Тут у меня музыка буквально лилась. В основе было хорошее либретто Вячеслава Вербина, прекрасные стихи. Вербин петербуржец, он сумел передать эту призрачность Петербурга, как вы говорите, очень точно. Да и я, который там жил, тоже хорошо чувствую атмосферу города. Кажется, мне удалось найти музыкальный ключ к этому произведению, удалось прикоснуться к подлинной человеческой трагедии.

- Как известно, вы писали «Униженных» к 300-летию Петербурга. Как там идет спектакль?

- Его поставил в Театре имени Ленсовета Владислав Пази. Ему, собственно, и принадлежит идея. В свое время Театр Ленсовета возглавлял Игорь Владимиров. Там работали Алиса Фрейндлих, Михаил Боярский. Это театр драматический, но с музыкальными традициями. Пази позвонил мне и предложил написать мюзикл. Я был очень обрадован и тут же взялся за дело. Москва увидит эту постановку в конце сентября в рамках фестиваля. Правда, не сам

- У вас в Америке был свой театр. Как он возник?

- Там существует огромная русская эмиграция. В одном Нью-Йорке до миллиона русскоговорящих людей. Я тогда подумал: а почему эти люди не заслужили своего русского театра? Вот Елена Соловей, Борис Сичкин, ряд других актеров... Глупо было бы их не собрать и не попытаться с ними что-то сделать. И я создал свой, частный театр. Денег, к сожалению, у меня было немного. Попытался организовать спонсоров. Но когда приходил к американцам, они говорили: «У вас русский театр? Так пусть русские и дадут на него деньги». А когда обращался к состоятельным русским, слышал в ответ: «Послушай, мы живем в Америке. На что нам русский театр? Мы лучше пойдем на Бродвей и посмотрим там что-нибудь стоящее». Денег я так и не добыл, но мой театр все-таки просуществовал девять лет. Мы поставили девять спектаклей, ездили на гастроли...

- А как от нот вы перешли к словам? У вас уже изданы две книги, на фестивале состоится презентация третьей.

- Я большой читателя. Всегда очень любил читать. Тянуло к выражению своих мыслей словами. И единственно, кому завидовал, так это писателям. Сначала написал «Как это делалось в Америке», потом «Александр Zhurbin композитор». Обе изданы в России. Третья готовится к выпуску. Она посвящена моему творчеству. Решил описать свои собственные произведения и то, как они создавались. Ведь никто лучше меня их не знает, поэтому и в оценке их я - непревзойденный авторитет. Кому-то это будет, наверное, интересно.

- А педагогикой вы не занимаетесь?

- По этой части у меня были лишь эпизоды, когда жил в Ленинграде, в Америке. Преподавание требует определенной методичности. А у меня более творческий мозг. Следовать по программе мне скучно. Но какие-то ученики, я думаю, у меня все-таки есть. А вот ученик, которым я горжусь, - мой сын. Я с детских лет следил за его развитием, никогда ничего не навязывал ему, он шел своим путем и стал очень хорошим композитором. Живет в Америке, а я - здесь. Но каждое свое сочинение присылает мне. Я слушаю и через Интернет пересылаю ему свои комментарии.

- До открытия фестиваля вы еще полетите в Америку?

- Непременно. И по очень приятному поводу. В середине сентября состоится «сценическое чтение», как у них называется, моего мюзикла «Чайка» по Чехову. Американцы видели этот спектакль у Райхельгауза, им понравилось. Решили ставить у себя.

- И как, Александр Борисович, вы все успеваете? Как сил и энергии хватает?

- Я просто очень люблю работать. Надо успеть много сделать.

Беседу вела
Наталья БАЛАШОВА.
На снимке: А. Журбин.